

Наверное, нет сейчас в мире более знаменитого альтиста, чем Башмет. Его благородную статью, обстоятельную улыбку, его бархатный, будто обволакивающий, располагающий к общению голос вездесущее телевидение (помните передачу «Вокзал мечты»?), растиражировало на всю страну, он знаменит в мире. Мне повезло больше, чем многим другим. Мы давно дружим с Юрием Абрамовичем, Юрием, Юрой. Стараюсь не пропустить ни одного его московского концерта — и где он солист, и где дирижирует созданным им же камерным оркестром «Солисты Москвы». Внешне он абсолютно не соответствует стереотипу «метра», «выдающегося деятеля искусств»: прост, улыбчив, общителен. Сколько ругала себя за то, что не записываю наши беседы на пленку. Хотя оно как-то и странно между друзьями. И, может, на сей раз уж точно не было резона брать с собой на встречу диктофон, потому что Юрий пригласил меня в гости — на дачу. Но я диктофон взяла — и не жалею. Когда я приехала, Юрий Абрамович возился в саду.

— Вот за кустами решил поухаживать...

— Господи, а я думала, ты на такое не способен. А если, допустим, шифер привезли или навоз — тоже сам бы разгребал?

— Ну насчет шифера я, конечно, не ручаюсь... Знаешь, многое от настроения зависит. Вот когда я свою первую московскую квартиру получил — ничего сам не делал. А потом появилась надобность соорудить кое-что на кухне. И выяснилось, что это довольно увлекательно.

— А здесь, на даче, что тобой сделано?

— Да мало. Я больше осуществлял общее руководство строительными работами, да и то за всем не успевал следить. Меня ведь еще и профессия ограничивает. С грязными руками не возьмешься за инструмент, правильно? Но если часто мыть руки, кожа сохнет, терется чувствительность... Я как-то поймал себя на том, что даже есть стараюсь, не загроуя левую руку (ту, которая в основном соприкасается со струнами)... Не думай, у меня сноровка ко всякой работе есть. В машине что-нибудь поправить, залезть в сложный узел — нет проблем: точность, координация движений отточены профессией. Но пользуюсь я этим редко.

— У людей домом обычно называется место, где они проводят основную часть своей жизни. Ты же здесь бываешь нечасто, так как постоянно в разъездах. Дом ли это для тебя в подлинном смысле слова?

— Главное — само ощущение, атмосфера. Где твои близкие — там твой дом. Но, конечно, важны и вещи, обстановка. Не безделушки, а что-то любимое, например картины. Какой-то уютный поворот лестницы... Вот эта комната, например, мне очень по душе.

— Твоя?

— Как раз нет. Хотя я с самого начала думал, что она будет моей. Но когда мы сюда приехали с семьей, дочка Ксюша с первого взгляда в нее влюбилась — и стала ее хозяйкой.

— А где маэстро репетирует?

— Это еще как-то не установилось. Чаще всего — в большой комнате, где стоит рояль. Но она проходная, что не совсем удобно, домашним в часы моих занятий приходится ходить «по струночке». Вообще-то в одной из комнат предполагался кабинет, но он этой функции пока не выполняет... В идеале нужна отдельная студия, где ничто не отвлекает от музыки, творчества. Там даже телефона не должно быть.

— Зато можно было бы поставить синтезатор, ритм-машину — ты ведь когда-то увлекался роком...

— Не то слово «увлекался», моя сценическая карьера с него началась — еще во Львове... Но что было, то прошло. Сейчас мне интереснее на альте заниматься. А если уж переключаться на что-нибудь, то не на рок — лучше просто с собачкой погулять, для отдыха.

— Ты в дачной архитектуре приверженец европейского стиля, американского или нашего,

В ГЛУБИНЕ ДУШИ Я МЕЧТАЮ ОБ ИЗБЕ

российского, — с терраской таковой скрипучей, с гамаком между соснами?..

— В принципе мне очень нравится сруб, вообще люблю дерево, простые конструкции из него...

— Туалет во дворе...

— Ну вот это как раз... мило, конечно, но не очень удобно. Поэтому я не стараюсь копировать буквально деревенское жилье. То, что ты видишь, — некий усредненный, достаточно скромный стиль. Но удобный. Однако в глубине души я мечтаю об избе. Может, когда-нибудь эта мечта и осуществится. А если уж совсем дать волю воображению (а главное, были бы деньги) — я бы использовал вот этот склон, тут был бы вход под землю метра на два в глубину, отсюда начиналась бы этакая островерхая крыша-навес, вся во мху — знаешь, бывают такие, и шла бы резко вверх, к той сосне...

— Ну ты фантазер... Однако кто-то должен заниматься повседневными делами. Кто у вас дома «дирижер»?

— Наверное, жена. Но я в таком случае — «композитор», автор «генеральных идей».

— Где семья в основном обитает — в Москве или здесь?

— Здесь. Это именно дом, а не дача. Сын Саша как-то точно подсчитал, сколько раз в году я бываю в городской квартире. Оказалось — пять. Это ровно столько, сколько концертов у меня было в Большом зале Консерватории — поскольку между репетицией и концертом я же должен куда-то деваться, а сюда ехать далеко... Но самим детям в течение недели удобнее находиться в городе, поскольку они учатся в школе.

— Ты сказал об атмосфере дома. У этой атмосферы есть какой-то музыкальный аналог? Вот, например, когда смотришь из окна рахманиновского дома в Ивановке, сама собой в голове начинает звучать мелодия «Сирени».

— Конечно, окружение, природа провоцируют музыкальные ассоциации. Чаще они не конкретные — вот такой-то мотив, — а музыка как состояние души. Это, точнее сказать, предчувствие музыки, еще без мелодии — у гениальных композиторов она потом складывается в определенную последовательность звуков, как кристаллы из хаотической массы молекул...

— А у тебя — складывается?

— В детстве бывало. Впрочем, опусы получались довольно примитивные. Но иногда... Вот несколько лет назад такая случилась история. Спускался я к завтраку,

проходил мимо рояля — и почему-то присел, сыграл несколько нот... Понравилось! И я стал это развивать. В результате получилось нечто романтическое, где-то между Шопеном и Шуманом. Конца, впрочем, так и не придумал...

— Ты это записал?

— Нет, конечно, но помню очень хорошо. Однажды в Токио я даже «пошутил»: там замечательно играла на концерте Марта Аргерих — знаменитая швейцарская пианистка. Я зашел к ней в артистическую поздравить, и вдруг ужасно захотелось сыграть ей эту пьесу. Она эмоциональный человек, прямо-таки завизжала: где достать ноты, она хочет играть это на бис... Ну я сказал, что автор — Клара Шуман.

— Она поверила?

— Представь, да. Но тут мне стало стыдно, и я признался... А как-

этот стол остается...» Не зря говорят — память материальна. Энергетика человека как-то взаимодействует с окружением, «застревает» в нем даже после того, как человека уже нет. Например, стены Московской консерватории стоят буквой «П», и в центре — Петр Ильич Чайковский. В этом колоссальный символ. Мне кажется, если бы у Консерватории была другая форма, там не так бы сконцентрировался дух музыки. Вышло это, конечно, случайно, но, с другой стороны, — совсем не случайно... Как и то, что я, музыкант, поселился на этой вот земле. Уже и дочка моя занимается на рояле, вполне успешно концертирует с нами как солистка. В ее игре есть искренность, естественность, профессионализм... Тут, конечно, надо сказать о бабушке, которая ее наставляла на этот путь, о маме и о замечательном педагоге

— А что вы играли?

— Концерт Баха. Очень трудный. Но мне не пришлось краснеть ни перед оркестром, ни перед залом.

— Другими словами, природа на сей раз на детях не «отдохнула»?

— Ну посмотрим, время покажет. Что большие способности есть — это безусловно.

— В каком дочка классе?

— А я не знаю. Никогда не знаю, в каком классе. Не успеваю следить.

— Ну лет-то сколько, знаешь?

— Лет сколько — знаю, шестнадцать. Только что исполнилось.

— Как обычно складывается день артиста Башмета?

— По-разному. Ложусь в основном поздно, часа в два — это норма. А утром — в зависимости от ситуации. Если есть репетиция — изволь «с ранья» быть на ногах.

ЮРИЙ БАШМЕТ:

После концерта, особенно такого ответственного, как был недавно в Большом зале Консерватории, можно и расслабиться, посидеть чуть подольше.

— Это когда ты Томаса Квасхoffs представлял московской публике и награждал премией имени Шостаковича?

— Да, потрясающий человек, гениальный музыкант... Мало того, что он при таком жутком физическом недостатке (ведь он ростом мне чуть выше пояса!) развил свои уникальные исполнительские данные...

— После Фишера-Дискау, кажется, не было подобного «шубертовского» баритона...

— Возможно, и так. Но Томас поражает еще силой духа. Ведь он живет радостно, по-другому не скажешь!

— Однако в быту ему требуется помощь?

— Ну какая-то, конечно, требуется. Ездит он, во всяком случае, с помощником. Хотя большей частью и сам прекрасно обходится. Он замечательно приспособился — гибкий, сильный... Ты заметила, как он прыгал на подиум, который ему ставят на сцене? Первый раз я испугался, думал — падает. Ничего подобного, это его привычное, уверенное движение.

Но самое удивительное не это. Когда с ним общаешься — не он от тебя, а ты от него подзаряжаешься! От его мощи, энергии, обаяния... Рихтер из такого же материала сделан. Гидон Кремер...

— Ну, Башмет, замечу, тоже не слабого десятка. Кстати, как ты собственную физическую форму поддерживаешь — спортом или еще чем?

— Спортом занимаюсь — плаваю. Вот бильярд уважаю — очень способствует точности движений. Надо бы физзарядку делать, пробежки там всякие — но не успеваю... А вообще-то знаешь, какой мой самый главный спорт?

— Какой?

— Трудно было догадаться. Альт. И дирижерская палочка.

Вела беседу

Галина ГОЛУБОВА.

Фото Михаила ГРУШИНА

(агентство «Турне»).